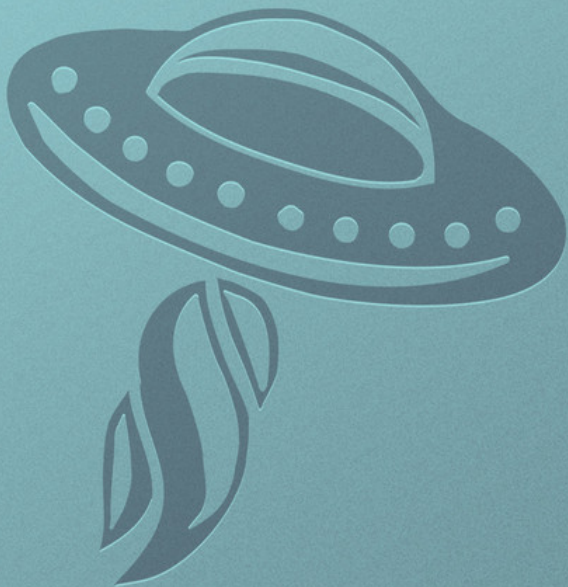

Сергей Герасимов

Натюрморт

Сергей Владимирович Герасимов
Натюрморт

Авторский вариант
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156394

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

9

Сергей Герасимов

Натюрморт

Инструкция по использованию: Нанести шампунь на волосы, смыть, в случае необходимости повторить.

надпись на флаконе шампуня Pantene

Малосоленный огурец, два свежих лимончика, еще с зеленью, высушенная рыбка с ладонь величиной, колючий ершик для мытья бутылок (концы щетинок загнуты по часовой, беленький, но с несмываемой грязью на стержне), и рядом с ним бутылочка шампуня, уже почти пустая. Два последних предмета хорошо смотрятся вместе – поставим их в сторонку. Кто первый назвал это мертвой натурой? – художник ведь должен видеть, что совсем мертвых предметов нет. Впрочем, чего-то недостает этой композиции. Ладно. Поставим карточный домик, здесь, на переднем плане, а в домик поместим шахматного коня – красавец, блестит, шея гордо изогнута, только не белый, а кремовый, почему-то. Когда-то фигурки вырезали из слоновой кости, теперь их прессуют из старых авторучек. Сойдет за белого, как-нибудь. Теперь можно и рисовать. Начнем с огурца – вот он, худой, пупыристый, сра-

зу заметно, что не он главный на столе, хотя с него и начали рисунок. Попробуем вдохнуть в него жизнь. Если верно угадать, то оживут и остальные предметы. Допустим, он молод, это сразу видно. Зелен и прыщав. Побольше фантазии. Допустим, его зовут Гришей – ага, вот, уже зашевелился и моргнул глазками; конь приподнимает голову и смотрит гордо: смотрите, мол, какая я ценная штучка; ершик с бутылочкой затеяли скучный разговор о вчерашней постели – они давно надоели друг другу; рыбка захлопала по скатерти сушеным хвостиком и притворилась совсем живой; лимончики дремают в уголке, надувшись. Такие все милые; еще час или два они будут жить, пока я не закончу рисунок – но не в моих силах оживить их навсегда.

Гриша работал регистратором на туристической базе "Возьмемся за руки".

Столь легкомысленное название было дано базе ее прежним директором, быстро уволенным из-за несоответствия. Новый директор собирался назвать базу оригинально, но строго, например "Дружба", «Полет» или "Поход". "Горная сказка", – на романтичный манер. Правда, новое название требовало новой регистрации в налоговом органе, а за регистрацию орган брал сумму, равную годовому доходу базы – данные органы вообще были голодны, злы на весь мир, готовы весь этот мир съесть, но глупы – и только благодаря их глупости мир еще существовал и кое-как цвел. Была середина

лета. Была глупая жара. В городе водились магнолии с удущающим парфюмерным ароматом. Платановые аллеи теряли клочья кожуры. Море дышало между мелких камней. На глубине обитали смутно съедобные мидии, которых никто не пробовал. Рабочее место функционировало.

Гриша присутствовал на своем рабочем месте и упорно переводил статью о полупроводниках, – он учился в радиотехническом и месяц назад провалил экзамен по английскому. На его стойке, рядом с книгой, лежало пирожное, а на пирожном сидела муха – такая голодная и несчастная с виду, что Грише было совестно ее прихлопнуть.

В дальнем конце зала Машка, инструкторша, инструктировала очередную группу из пяти человек; группа расположилась на двух скамейках – зеленой и зеленой.

Машке было около тридцати, она была плотной неравномерно загорелой женщиной, неправильно, не по-женски полной, с соломенными волосами, всегдашними спортивными штанами синего цвета. Гриша ее не любил и тому были причины.

Позавчера, поздно вечером, весь дружный коллектив базы, исключая директора, смотрел фильм по телевизору. Фильм был бесцветный, безвкусный, бестолковый, но беспокойный – кто-то суетился и пытался от кого-то с экрана сбежать. Все четверо зрителей сидели на одной скамье – зеленой, с железными некрашеными лапками. Инструкторша Машка сидела рядом с Гришей, и Гриша не замечал ее до тех

пор, пока она не придвинулась и не коснулась теплым бедром. Гриша не отодвинулся и продолжал смотреть, но экран ушел из фокуса. Бедро придвинулось плотнее. Если она подаст мне еще и коленку, – подумал Гриша, – то я приглашу ее сегодня на пляж и там что-нибудь будет. «Что-нибудь» – это самый точный термин, который Гриша мог применить к событиям ближайшего будущего: до сих пор самое глубокое его отношение с женщиной состояло в прикосновении к бедру одноклассницы, год назад. Одноклассница даже не сказала, а только посмотрела так, что на целый год отбила охоту к кому-нибудь притрагиваться. Впрочем, Грише было всего семнадцать с половиной, и он уже составил план: к восемнадцати соблазнить трех женщин, разбить их сердца, найти верную подругу жизни и взять с нее клятву верности. Подруга будет ждать его мужественного возвращения из войск, потом он заработает кучу денег, женится, создаст одного ребенка, уедет за границу, там сделает что-нибудь особенное и еще одного ребенка, любимого, найдет себе вторую женщину и откроет магазин. План был довольно конкретен, и Машка годилась, как первая из трех, намеченных к соблазнению. Машка подала не коленку, а плечо, и Гриша продолжал сидеть в нерешительности – такого оборота судьбы он не планировал.

Телевизор в тот вечер звучал достаточно мощно, и Машка стала задавать разные вопросы, на ушко, как это всегда делают женщины, наметившие себе возможного сердечного

друга: вопросы были о прошлом Гриши, о его семье, о его увлечениях и, конечно, о его девушках. Отвечая, Гриша увеличил количество своих девушек на две условных единицы и получилось так, что у него целых две девушки. "Как же так? – сказала Машка и вроде бы обиделась, из солидарности со всем женским полом, – они же наверное, тебя любят?" "Само собой", – ответил Гриша и сделал гордое выражение, которое обычно означает, что мальчику стыдно. Интересно, что бесстыдники гордого выражения делать не умеют. Губы дышали в самое ухо – тепло и влажно. Когда фильм окончился, Машка сказала, так же тепло и влажно, что хочет погулять, и предложила пройтись к пляжу. Гриша с тревожной радостью согласился и побрел, цепляясь ногами в пахучих травах. На пляже, у щита с надписью "купаться запрещено", Машка вдруг остановилась и сказала, какая хорошая ночь. Точно, хорошая, ответил Гриша и отступил к щиту, и увяз в песке пятками, и почувствовал, что дальше отступить некуда. "Просто необыкновенная ночь", – сказала Машка совершенно будничным голосом, прижала его к щиту и стала хрипло целовать, и по ее лицу текли слезы, а сердце ее бойко стучало и было легко ощутимо даже сквозь значительный слой плоти. Гриша сказал: "Не надо, пожалуйста!", – вырвался и убежал. На следующий день Машка улыбнулась и поздоровалась и вела себя так, будто ничего не случилось. С тех самых пор Гриша ее и не любил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.